

Я больше не был снаружи. Я был в комнате. В моей комнате? Нет. И все же она казалась знакомой. Как я сюда попал? Дух-сан ничего не говорила в моей голове. Мне все это только кажется?

В комнате было только несколько татами, но достаточно места для футона. И сейчас он был свернут. Рядом с ним в стене была встроена полка, на которой лежали стопка оригами и небольшой деревянный сундучок. Я не мог припомнить, чтобы у меня когда-нибудь был ребенок, поэтому, мне казалось, что этот сундучок был моим. Я положил мяч и потянулся к маленькому контейнеру.

Я остановился, прежде чем открыть ее. Моя рука. Кимоно, которое было на мне. Они были... другими? Моя рука была маленькой, даже изящной. А кимоно - нет, юката - было красное, с множеством цветов. Это было что-то, что я носил раньше? Возникло явное чувство ностальгии ко всему этому, но я все еще мог признать, что это не имело смысла.

Или все же в этом есть смысл?

Я открыл сундук и вытащил первое, что попало под руку. Это было круглое зеркало в деревянной раме. Само бронзовое зеркало казалось старым и потеряло большую часть своего блеска, но я все еще мог достаточно ясно разглядеть свое отражение. Это было лицо Духа-сан.

Я несколько раз моргнул, каждый раз поочередно переводя взгляд с себя на что-то в глубине зеркала, а затем наклонил голову назад и вперед. Это определенно Дух-сан, хотя теперь она обрела цвет. Нормальный цвет кожи, черные волосы и темно-карие глаза. Была ли она тогда жива? Очевидно, я был Духом-сан, которая была жива, и я нахожусь в своей комнате. Киджимута... Митико. Так ее звали. Но что я здесь делаю? Странно, но казалось, что это был обычный день.

Я улыбнулся. Это было забавно, не так ли? Ничто не казалось необычным, и почему-то все имело смысл. Было ли это воспоминанием, связанным с причиной появления Духа-сан в качестве призрака? Ведь она владела мной, когда я вошел в контакт с мячом. Значит, я переживал какое-то событие?

Я должен был кое-что сделать. Я убрал зеркало, взял мяч и встал. Собирался ли я выйти на улицу? Мне казалось, что я собираюсь сделать именно это. Я открыл дверь и увидел отца, сидящего в гостиной. Он держал правую ногу перед лицом, вероятно, в надежде снова прочесть свою судьбу.

- Доброе утро, отец, - сказал я. На мгновение мне показалось, что мой голос звучит странно, но потом я вспомнил, что это был голос Духа-сан.

- Уже полдень, Митико-тян, - ответил отец.

На вид ему было за сорок, длинные волосы собраны в хвост. Его юката представляла собой

причудливое лоскутное одеяло из множества разноцветных тканей, а рот, казалось, всегда был слегка приоткрыт, как будто он боялся, что весь воздух выйдет из легких, если закроет его.

Я не знал, что еще сказать, поэтому надел сандалии и вышел на улицу. Это был довольно пасмурный день, с освежающе прохладным ветерком.

Снаружи стояла женщина средних лет с вьющимися волосами, одетая в кремовую юкату, она кружилась, раскинув руки. Мама была в «счастливом трансе», как она любила выражаться. Я не был уверен, что она получала от такого вращения, но это было то, что ей нравилось делать. Или, может быть, ей просто хотелось что-то сделать.

Я оставил ее в покое и пошел по тропинке, ведущей к озеру. Сегодня я должен был кое с кем встретиться. С кем можно поиграть? Я улыбнулся про себя, хотя знал, что в этом нет ничего особенного. Вообще-то, теперь, когда я об этом подумал, это показалось мне глупым. Мне был двадцать один год, и я с нетерпением ждал, когда смогу побросать мяч с моей двенадцатилетней племянницей.

Девушка стояла у озера и ждала меня. Как ее звали? Я вспомнила, что всегда называла ее Хана-тян, потому что она любит носить цветы в волосах. На ней была розовая юката с рисунком лепестков сакуры, а в длинные волосы были вплетены несколько цветов вишни. Возможно, даже слишком много, если честно, но кто ей это скажет? Она любила цветы.

- Как дела, Хана-тян?

Девушка повернулась, упала на четвереньки, и ее вырвало.

По некоторым причинам я ни сколько не был удивлен этим. Хану-тян постоянно рвало.

Девушка встала и тихо, неловко рассмеялась.

- Бывает и такое, Ни-тян, - она всегда называла меня старшей сестрой.

- Ты в порядке?

- Я в порядке, - сказала она. - Пойдем... в другое место.

Мы отошли подальше, остановились у озера и стали перебрасывать мяч, который я принес, друг другу. Это не самый увлекательный способ скоротать время, но было приятно просто побыть с кем-то хоть немного.

- Чем ты занималась в последнее время, Хана-тян? - я бросил мяч прямо ей, но он пару раз выскользнул из ее рук, как рыба, прежде чем она успела крепко ухватиться за него.

- Просто помогала маме с папой. Работала на рисовом поле.

Она бросила мне мяч, но он упал на добрый метр раньше. Я не хотел идти за ним.

Мы продолжали бросать мяч, и я не мог придумать, о чем еще можно поговорить. В моей жизни ничего не происходило, это точно.

- Ты в последнее время занималась чем-нибудь веселым? - спросил я.

Хана-тян уронила мяч.

- Не совсем.

- Неужели?

Она снова бросила мяч, но на этот раз порыв ветра отбросил его далеко вправо. Когда я пошла за ним, Хана-тян ответила:

- Хмм, кажется, я сделала воздушного змея с друзьями на днях. И покаталась на лодке с отцом. О, и я провела некоторое время в соседнем доме. Мы выпили чаю, и я выучила несколько новых струнных фигурок. А еще я столкнулась с девушкой из цеха металлоконструкций, и она показала мне этот заброшенный дом, в котором должен был быть призрак, но он был пустым.

Это прозвучало как что-то очень интересное и длившееся целый год. Как могла эта девочка жить такой захватывающей жизнью и даже не думать, что в ней есть что-то особенное?

- А тебе тоже было весело в последнее время, Ни-тян?

Я улыбнулся.

- Конечно. С тобой всегда весело, Хана-тян.

- Я имею в виду, в любое другое время. Ты веселишься со своим парнем? Чем ты занимаешься со своим парнем?

Я бросил ей мяч и рассмеялся.

- Каким именно?

Каждый раз, когда мы играли вместе, она хотела знать все о парнях. Она никогда не понимала, что у меня никогда не было парней, поэтому я просто сочинял для нее истории.

- Ни-тян! - мяч отскочил от головы Ханы-тян. - Это двусмысленно, не так ли? - Она выглядела скорее взволнованной, чем расстроенной. - Как ты это делаешь?

Я поднял палец в воздух.

- Все дело в том, как ты себя представляешь, Хана-тян. Внешность только помогает тебе, понимаешь? Мальчикам нравится, когда ты показываешь свою уверенность, особенно когда дело касается романтики!

Хана-тян бросила мне мяч с большей силой, чем раньше.

- Расскажи мне еще что-нибудь, Ни-тян.

Поймав мяч, я сделал шаг назад.

- Зачем это? Тебе кто-то нравится? - я выделил последние несколько слов, повысив голос.

Вместо быстрого отрицания, которого я ожидал, она немного отвела взгляд.

- Понятия не имею. У меня нет той уверенности, о которой ты говоришь. Я всегда немного больна, так что...

Я подошел к Хане-тян и наклонился, чтобы положить руку ей на плечо.

- Тебе не нужно так сильно об этом беспокоиться. Ты будешь знать, что нужно сделать, когда придет время.

Хана-тян неуверенно улыбнулась.

- Спасибо, Ни-тян. Ты всегда все знаешь лучше.

Если бы это было так.

К моему удивлению, Хана-тян обняла меня. Но это мгновение было прервано тем, что ей нужно было отвернуться. И ее снова вырвало. Мне всегда приходилось беспокоиться, когда она так делала, но это было то, что она не могла сдерживать.

Через некоторое время перебрасывания мяча вперед и назад, наша дискуссия перешла к тому, что мы собираемся сделать для предстоящего фестиваля сакуры, и какой вид моти был самым вкусным.

Наша игра закончилась, когда начался дождь. И не просто легкая морось - это был сильный ливень.

- Ты взяла зонтик, Хана-тян? - спросил я. Она просто протянула руки в ответ.

Я должен был догадаться взять его с собой. Хотя солнце светило, когда я выходил из дома, я должен был заметить темные облака. Мои родители были бы не против одолжить мне зонтик.

Мы подождали пару минут под деревом, надеясь, что дождь немного утихнет, но, похоже, гроза только усиливалась.

Хана-тян потерла руки.

- Становится холодно. Я, наверное, пойду.

- Ты можешь пойти ко мне, - сказал я. - Так будет ближе.

Хана-тян отвела взгляд и нахмурилась.

- Ну...

Она не хотела этого говорить, но я знал, что она не хотела идти ко мне, даже если могла. Только не в тот момент, когда мои родители дома.

- Все будет хорошо. Мы можем сразу пойти в мою комнату. Может, покажешь мне те фигурки, которые ты выучила на днях? Я знаю только кошку.

Она все еще выглядела нерешительно, но когда раскаты грома эхом отразились от склона горы, девочка, наконец, приняла предложение.

Мы бежали под дождем, но Хана-тян поскользнулась на одном из скользких грязных склонов тропы. Она закашлялась и с трудом поднялась.

- С тобой все в порядке? - спросил я, стараясь перекрыть шум дождя.

Хана-тян чихнула в ответ. Казалось нелепым, что кто-то может заболеть только от того, что провел под дождем несколько минут, но, как она сказала, она всегда была немного больна.

- Держи, я понесу тебя, - сказал я, протягивая ей мяч. Она сразу же сделала, как я велел, казалось, это полностью говорило о ее положении. Она вообще не пыталась спорить.

Я попытался нести ее, держа перед собой, одной рукой под плечами, а другой под коленями. Но, к моему удивлению, это быстро оказалось слишком тяжело для меня. Я бы не подумал, что Хана-тян такая тяжелая, так что, скорее всего, я был слишком слаб, чтобы нести ее.

Я решил попробовать нести девочку на спине, что, по крайней мере, оказалось мне под силу. Это оказалось намного труднее, чем я ожидал, но мне удалось принести ее к себе домой.

В конце концов, Хана-тян провела остаток дня, лежа на моем футоне. Похоже, у нее была небольшая лихорадка, и она изо всех сил старалась проглотить любую еду, которую я готовил для нее, не вырвав ее сразу. Мой отец пошел за родителями Ханы-тян, но они, очевидно, искали ее, не зная, куда она ушла днем. И, похоже, мой отец пару раз отвлекался на шторм, очевидно, находя в нем много прекрасного.

Все это время я сидел рядом с Ханой-тян. Я намеревался выйти из комнаты, чтобы она могла немного поспать, но она настояла, чтобы я остался с ней и попробовал сделать несколько странных оригами, которые она выучила. Сделать бабочку с узором из нитки было совсем не то, что сложить бабочку из бумаги, и мне потребовалось много попыток, чтобы правильно расположить пальцы и нитку. Это все, что я мог сделать, чтобы отвлечь ее от боли.

В конце концов, за ней приехали родители, но перед отъездом Хана-тян поблагодарила меня за то, что я провел с ней весь день. Когда ее вынесли за дверь, я поблагодарил ее в ответ, но, похоже, она меня не услышала. Это она дала мне в тот день хоть какое-то занятие. Она была единственной, у кого вообще была жизнь.

Но после этого у нее оставалось всего несколько дней.

Я снова был снаружи, стоя на коленях возле поленницы. В руках у меня был матерчатый мяч, тот самый, который мы с Ханой-тян перебрасывали друг другу. Как давно это было? Почти два года назад? Я заметил свою руку и черное кимоно. Я снова был самим собой, и казалось, что я был в том же самом состоянии, в котором я был до того, как пережил это воспоминание.

«Ты в порядке, Наоки-кун? Пойдем».

Я положил мяч и встал, пытаюсь вспомнить, что именно я делаю.

«Не забудь про мяч! Нам нужно будет вызвать призрака».

- Не думаю, что здесь можно найти привидение, - прошептал я. - Хана-тян... я имею в виду, твоя племянница не захочет тебя преследовать.

«Откуда ты знаешь о Хане-тян? Ты почувствовал ее, просто коснувшись мяча?»

- Думаю, я только что пережил твое воспоминание, Дух-сан. Должно быть, твое присутствие как-то его спровоцировало.

«Это звучит нелепо и невозможно!»

- Ты призрак, который заставляет кровь течь из кончиков пальцев и овладевает экзорцистом, чтобы найти других призраков, которые будут преследовать ее. Нелепо?

«Я так думаю...»

Я двинулся было прочь от дома, но остановился, услышав шаги за углом. Появился мужчина в темно-коричневом кимоно и черной куртке. У него были короткие волосы и небольшая щетина, но все же он сильно напоминал отца Духа-сан. Должно быть, это ее дядя, отец Ханы-тян.

- Добрый день, - сказал мужчина с вымученной улыбкой. - Кто ты?

- О, извините. - быстро поклонился я. - Я слышал, что в этой деревне живут мои родственники, так что я просто проходил мимо. Думал, они могут жить в этом доме.

- Я могу помочь, - спросил мужчина. - Возможно. Как ваша фамилия?

Я планировал сказать что-то действительно общее, но в итоге просто сказал первую фамилию, которая выскочила у меня в голове.

- Киджимута.

Я осознал, что это был плохой выбор, как только сказал это. Это была настоящая фамилия Духа-сан, не так ли? Киджимута Митико, если я правильно помню.

Мужчина рассмеялся.

- Что ж, похоже, вы пришли по адресу! Я Киджимута Хатино.

Я тоже засмеялся, но не так, как он.

- Я... Такэси.

«Такэси? - воскликнул Дух-сан. - Как иронично с твоей стороны придумывать имя, когда тебя зовут Наоки-кун! Разве это не самый правдивый вариант имени, который ты можешь сказать?»

Я не мог сказать Духу-сан, чтобы она не волновалась из-за подробностей, боясь повторения инцидента с трактирщиком. А пока я должен притвориться, что я родственник этого человека.

- Как именно мы связаны? - спросил дядя.

- Не знаю, надо подумать.

Разговор привел к тому, что мужчина пригласил меня на обед. Тут я заметил, что Дух-сан замолчала. Неужели она не хочет войти внутрь? Она, вероятно, не хотела, учитывая, что чувствовала себя ответственной за смерть племянницы.

Что я могу сделать для Духа-сан? В какой-то степени я мог понять ее раскаяние. Она искренне считала свое общение с Ханой-тян центральным элементом смерти девочки. Если это случилось с двумя другими людьми, которых она знала, возможно, не было настолько невероятно для нее, хотеть, чтобы ее преследовали. Чтобы все исправить, насколько это возможно. Чтобы исполнить это возмездие. Она предполагала, что каждый из умерших желал этого.

Но я не мог вызвать призрака. И даже если бы я мог, я все равно не чувствовал, что когда-нибудь захочу. Не слишком ли это много - взять на себя ответственность за смерть другого? Я ничего не мог сделать, чтобы изменить то, что произошло, и ничего не мог предпринять, чтобы улучшить ситуацию.